

Виктор
Гофман

Викунги
Викунги

Виктор Гофман

Викинги

Москва 2016

УДК 82-1
ББК 84(2) (2Рос=Рус)
Г57

Гофман Виктор.

Г57 Викинги / Гофман Виктор. – М.: Хорошая книга, 2016. – 128 с.

ISBN 978-5-94663-625-4

Крупницы поэзии внезапно искрились, вспыхивали и в строчках самых ранних стихов Гофмана, но в произведениях итогового десятилетия его творчество и особенно в замечательных удачах двух-трех последних лет несравненно возвысилось и раскрылось. Быть может, несколько запоздало, но блестяще. Впрочем, всё приходит вовремя к умеющему ждать... Многие строки этой посмертной книги свободного поэта, всегда стремившегося к совершенству и все же успевшего познать радость достижения цели, высокого воплощения, звучат пророчески:

Журчи, последняя свобода,
Блаженство на исходе сил,
Покуда сетью небосвода
Господь до срока подхватил

УДК 82-1
ББК 84(2) (2Рос=Рус)

*М*рагическая гибель Виктора Гофмана, убитого грабителями в собственной квартире, стала не только потрясением для его друзей, литературных и нелитературных, но и утратой русской поэзии. Поэзия сейчас оттеснена на обочину жизни и засильем массовой графомании и нашествием неодолимой эстрады. Но поэзия не умирает и сопротивляется своему изничтожению. Сама упорная верность классическому стиху, сохранение связи с традицией, сбережение дыхания жизни в многослойном и смертоносно точном слове, глубина неподдельного чувства, правда ощущения становятся в такую эпоху явлением сопротивления распаду.

Шестидесятипятiletний поэт прошел долгий путь самосовершенствования. Крупицы поэзии внезапно искрились, вспыхивали и в строчках самых ранних стихов Гофмана, но в произведениях последнего десятилетия его творчество несравненно возвысилось и раскрылось, быть может, несколько запоздало, но блестяще. Впрочем, всё приходит вовремя к умеющему ждать...Редкие журнальные публикации становились всё более впечатляющими событиями, количество сильных стихотворений всё увеличивалось. Однако, все сборники поэта, как правило, издававшиеся им за свой счет, были малотиражными. И эта, ставшая по-

следней, собранная в общих чертах за несколько дней до смерти автора, книга не является исключением. Нельзя не выполнить волю ушедшего, пожелавшего видеть этот сборник именно таким, но тираж в 100 экземпляров можно назвать лишь символическим. Конечно, впереди достойное во всех смыслах издание «Избранного», в которое непременно должны войти и другие замечательные удачи Виктора Гофмана (1950–2015), в итоге пути — выдающегося лирика последнего тридцатилетия. Возможно, что впереди и его посмертная слава. Если подразумевать под ней не сиюминутный массовый успех, а долговечность признания и нужности в поколениях истинных ценителей.

Михаил Синельников

«Всё, чего уже не стало...»

Инокентий Анненский

Далёкое

В зыбких сумерках рассвета,
В уходящей, чуткой тьме,
Потерявшись ночью где-то,
Хорошо бродилось мне.

В гулких вымерших кварталах
Без машин и голосов
Среди дворников усталых
И трусящих мимо псов.

Знал я — скоро солнце глянет,
Шумный день своё возьмёт,
Юность резкую затанет
Пеленой своих забот.

Чем-то родственным и смутным,
Что зовёт и мучит нас,
В зябком сердце бесприютном
Отзывался этот час.

ВИКИНГИ

Вверяя грудь отваге и свободе,
Плывут навстречу северным ветрам;
Немало крови пролито в походе,
И не один разграблен божий храм.

Уже на отчий берег ступят скоро,
Начнут рассказы вольные свои...
У хвойных гор — зеркальные озёра
Застыли там в студёном забытии.

Там утром гладь стальна и величава,
И веет острой свежестью простор;
И без любви, без друга, без причала
Отрадно плыть по отраженью гор.

Блажен, кто прям, бесстрашен и свободен,
С мечом, ветрилом и природой слит,
Кто примет смерть, когда захочет Один,
Без жалости, печалей и обид.

Каникулы

На крыльце ледяные ступени,
В небе ясный узор января,
И деревьев застывшие тени
На сугробах вблизи фонаря.

Обожженный вином и желаньем,
В грубом свитере выбежал вслед
За твоим ускользнувшим дыханьем,
В лёгкой шубке ловя силуэт.

Что мне звёздное небо над нами,
Если ночью духи не унять,
Если вьётся вблизи над кустами
Сумасшедшая чёрная прядь.

Увлекаю в какую-то нишу,
В лихорадке остаться молю...
Только скрип нарастающий слышу,
И морозную свежесть ловлю.

Как же воздух застойный несносен!
Как безволен подход к рубежу.
В этот скрип у заснеженных сосен,
В лёгкий пар на тропе ухожу..

* * *

Я с каждым днём гляжу благоговейней,
И провожаю с нежностью утрату,
На строгий быт и первые кофейни,
На просьбы гражданина к магистрату.

Там к зимней стуже запасали уголь,
И стойким птицам рассыпали зёрна;
Там девушки, похожие на кукол,
В чепцах суровых старились проворно.

Тянулись шпильки в холодок лазурный,
И на скамье шептали под распятым;
И не мешал подъём мануфактурный
Вниманью смертных к фугам и кантатам.

Когда от сборищ в вычурных камзолах,
Карет, дорог и повседневной пыли —
Ступени вздохов, гулких и тяжёлых,
Протяжным эхом в небо восходили.

Когда смиренью обучались в хоре,
И, обручаясь — с верностью любили;
Когда писали реквием в мажоре,
И провожали буднично к могиле.

Ханаан

Пыль последних сомнений рассей,
И в дорогу словами простыми
Поднимай свой народ, Моисей,
Выходи в роковые пустыни.

Сколько можно в терпенье немом
Гнуть свои бесхребетные спины?
Но египетским жалит клеймом
Раскалённое иго чужбины.

Проходите в — бессчётные дни,
Где глаза выедают барханы,
Где до крови истёрты ступни,
И песок набивается в раны.

Где неверных видений слюда
Смутно зыблется в мареве зноя;
Разве вы забрели бы сюда
В годы пота, безверья и гноя?

Чтоб сквозь слёзы увидеть вдали,
Как оазис в тоске караванной,
Очертания близкой земли,
Предназначенной, обетованной.

В Иудее

Под смутным солнцем с каждым часом
День пламенел всё горячей,
И мухи над багровым мясом
Уже сменили свист бичей.

Уже на лавку с кровью липкой
Ложится плавно тень дворца,
Уже ты слабою улыбкой
Сквозь боль касаешься отца.

Уже престол его нетленный
Недалеко... Сквозь вопли те
В плевках ленивых путь согбенный,
И распрямленье на кресте.

Перед рассветом

Ещё темно, а над прохладой сада
Уже защёлкал первый соловей,
И льётся безответная рулада,
Упрямый голос в сумраке ветвей.

Зачем он ожил этой мёртвой ранью,
Когда молчат другие соловьи?
О чём он плачет нежною гортанью?
Кому он тянет жалобы свои?

Всё предрассветной зыбкой ленью дышит,
В дремотной мгле ни шелеста нигде,
А он поёт — его никто не слышит —
Последней в небе утренней звезде.

Не так ли чувства дремлющие наши
Пронзает вдруг из глубины веков
Прощальный вздох — моление о чаше
Среди глухих своих учеников.

Трамвай

На рассветном маршруте трамвая
Поглазеть бы на ранний пейзаж,
В безрукавке легко уплывая
Летним утром — в надежду, в мираж.

Чтоб свободно гремело по шпалам,
И качались вверху ремешки,
Чтобы вновь по знакомым кварталам,
Как озноб, разливались звонки.

Чтоб мотивчик сквозной и бродячий
Что-то там, вдалеке обещал,
И, вручая билеты со сдачей,
Остановки кондуктор вещал.

Я бы ныне с улыбкой подростка
Что осталось — отдал без труда
За полёт по брусчатке московской
С лёгким сердцем — в рассвет, в никуда...

...Хорошо, обо всём забывая,
Завершая назначенный путь,
Под знакомые звуки трамвая
На потёртой скамейке уснуть.

Рим

Евгению Рейну

Где, широко расправив крылья,
Над Римом свастика парит,
Концовки арий тянет Джилья,
Блится дуче фаворит.

В дыхании Рима — запах смерти,
Закатный дым, жужжанье мух,
А в зале пожиная Верди
Плоды затворнических мук.

Ещё терзается на сцене
Страдальца грузное лицо,
Ещё над узником Скорцени
Не дёрнул резко за кольцо.

У ног Марии — римский папа
В соборе молится Петра,
Ребята хмурые в гестапо
Не унимаются с утра.

Кого-то рвут в глухом подвале,
И он без голоса орёт;
И на всемирном карнавале
Не иссякает хоровод.

И от Нерона до Карузо
В кипеньи праздничной реки
Проносит оперная муза
Свои кровавые клыки.

Лили Марлен

Журчал картавый ручеёк напевный,
Не умолкал твой тонкий голосок
Над кружками с густой баварской пеной,
Над грохотом тяжёлым на восток.

Как ты лилась под рокот мотоцикла
Над касками отчаянных парней!
Но смолкла вдруг.. и головой поникла
В колючей мгле заснеженных полей.

Под орудийный гул дымится Волга.
Нашла на камень — тупится коса.
Как ты в эстрадной кофточке продрогла!
И обреченных сипнут голоса.

И лишь хрипит солдат в промёрзлой яме
В далёкий плеск... в тепло твоих колен:
“Лили Марлен...” — лиловыми губами,
В последний раз в снегу: “Лили Марлен!”.

Благодать

Как белое облачко пара
Над утренним сном камыша,
Легко проплыла и пропала,
Растаяла в небе душа.

Так просто она улетела
От тягот земных и забот,
Как-будто и не было тела,
А только — восторг и полёт.

Так ласково свет незакатный
С улыбкой на душу глядел,
Что лучик её благодатный
Меня ненароком задел.

Провода

Развалины церквей и старые погосты,
И ржавая тоска заброшенных работ,
Гудящих проводов безжизненные вёрсты,
И от столба к столбу — упорный их полёт.

О чём они гудят в пространстве бесприютном?
Куда они дрожат и тянут голоса?
В безлюдной стороне — за горизонтом мутным
Везде куда ни глянь — лишь топи и леса.

Не так ли к ним неслось — протяжным и дремучим,
Морзянкой роковой глаголя на лету,
Что мы чеканим шаг, и полстраны замучим,
Чтобы опять влачить раздор и нищету.

Лебёдкою гремит мужик на переправе;
Рычащие ковши вгрызаются в разрез,
Из под огромных шин летят песок и гравий;
И ватники в тайге угрюмо валят лес.

И тают позади в оставленных широтах
Событья и тоска поверхности земли,
И ленты на гробах, и куклы на капотах, —
И только звук летит на смутный звук вдали.

В холодный этот край, где берега в тумане,
Ты долгий свой хорал напрасно затянул —
Там только сопок ряд и чайки над волнами,
И ледяной простор... и моря встречный гул.

Простор

Однажды утром после пьянки
Очнусь за тридевять земель,
И маленькие корейнки
Помогут мне развеять хмель.

Там далеко окно уводит,
Лишь настезь распахни его,
От плоских рисовых угодий,
От слов, от жизни... от всего.

Там ветер утренних предгорий,
Далёких и покатых гор
Сливается с дыханьем моря,
Всё унося в его простор.

Всё откровеннее и выше
В небесный свод и ясный свет;
И аист с невысокой крыши
Крылом помашет мне вослед.

Блок

Ты шарил по бездне руками,
И песней бодрил слепоту;
Тоску загонял рысаками,
И губы ловил на лету.

Молчат патрули и затворы,
И дремлют штыки у костра,
Но плотно задёрнуты шторы,
И жизнь сторонится пера.

Что толку бросать то и дело
Поленья в угасшую печь,
Всё трупами окоченело,
Уже ничего не разжечь.

Оставленность в мире бездонном,
Бессилье надломленных фраз –
Всё в этом лице измождённом
И в блеске измученных глаз.

И так до болезни смертельной,
До лютой и смертной тоски...
Пространства твои беспредельны,
И души твои тупики.

Тамань

Обмакивая в лунный свет
Перо... и растворясь всецело
В мерцанье, рассказал поэт
О злочлоченьи офицера.

Там в темноте шумит прибор,
И аромат струится сада;
Там по тропе идёт слепой,
И ясных звёзд ему не надо.

Вдали контрабандистских шхун
Во тьме чуть видимые мачты,
И закипающий валун
Под волнами стихии мрачной.

Всё мимолётно было там,
Всё сбивчиво и всё случайно:
Невнятный шёпот по кустам,
И ускользящая тайна.

Не так ли жизнь? Не так ли век?
Всё полужест и полуслово.
Случайный в хижине ночлег.
И холод спутника ночного.

Луна, и блики на земле.
И блеск серебряный мониста.
И плеск во влажной полумгле,
И над обрывом путь кремнистый.

Немота

Опять над жертвами свободы,
Где неподвижные с утра
Лежат у брошенной подводой
В степи кубанской юнкера;

Над неумелою попойкой,
Над первую стрельбою в цель...
...Над неисправленную двойкой,
Над лёгкой Ниночкой в капель;

Над промелькнувшими веками,
Где толп истлела маета,
Над морем, сфинксами, песками
Меня объемлет немота

Над тягой к свету хлорофилла,
Над набуханием икры,
Над долгой ночью, где бескрыло
Летят незрячие миры;

Где нечто в космосе открытом,
Как средоточье чёрных туч,
Своим чудовищным магнитом
Порабощает света луч;

Где в звёздах массы водорода
В штормах огня всё тяжелей,
Где кружит мёртвая свобода
В игре бессмысленной своей.

Доницетти

Опять из вязкого тумана
Тревоги, боли и тоски
Кладёт свободный Гаэтано
На лист весёлые мазки.

Старик обманутый плутовкой,
Полка сияющая дочь —
Не повод ли рукою лёгкой
В шампанском солнце истолочь.

Как бегло льётся сил избыток!
Что эта боль и этот жар,
Когда любви живой напиток,
Уже по жилам побежал.

Несись сквозь ночь напропалую,
И чиркай нотные ключи;
И жизнь свою, как жизнь чужую,
Листать с улыбкой научи.

Дай лёгкости твоей отраду,
И подари мне благодать —
Бродя по гниющему саду,
Во мгле свеченье различать.

В Италии

Г.Д.

Шмеля медлительный полёт
И рядом плещущее море —
В Италии, где всё поёт,
Любая песня — в общем хоре.

И мальчик, славящий Христа,
В органной строгости собора,
И писк овсянки у куста —
Частицы праздничного хора.

Здесь лишь завидишь впереди
Вдали сверкающие горы —
И сердце рвётся из груди
От благодатного простора.

И, гулко падая на дно
И терпкой влагой увлекая,
Поёт и пенится вино,
Через века перетекая.

И в праздники от смуглых лиц,
Кружащих у лозы весёлой,
Текут рулады до кулис,
И от кулис — обратно в сёла.

Всё только — солнце, звук и связь,
В садах цветы и в церкви дети,
И льются в воздухе, лучась —
Крестьяне, птицы, Доницетти.

Гимнастёрки

Когда дымок сухой и горький
Взгляд затуманит из былого,
Я снова вижу гимнастёрки
Несмелова и Гумилёва.

В просторах жёлтых зверобоя,
В сугробах гибельной Сибири
Они от боя и до боя
Скучали, мёрзли и любили.

Отрадно сердцу в поле чистом
Вдруг озариться тишиною,
Когда за взрывами и свистом
Услышишь Царствие иное.

Вдохнуть осенний день холодный
И по условленному знаку
С сырой земли — в простор свободный
Рвануть в последнюю атаку.

Когда, задёрнув на ночь шторы,
В постели тёплой вы уснули,
Гуляют по земным просторам
Усталые поэт и пуля.

Их беглой жизни очертанья
Туманит дождь и застит вьюга,
И обрываются скитанья,
Когда они найдут друг друга.

Облака

Рука Адама в небесах
Ещё просохнуть не успела,
Когда в строительных лесах
Пропахла красками капелла.

Как обречённо он один
В своём заляпанном обличье
Среди напыщенных картин
Ветхозаветного величья.

И до сих пор не улеглась
Лишь безысходней с каждым годом
Слезящихся, опухших глаз
Тоска галерная под сводом.

И всё же дремлющий огонь
Сквозь время краски сохранили:
К ладони тянется ладонь,
Ладонь у губ Иеремии.

...И поднимаясь от земли
К остывшим на камнях святыням,
Чтобы отсюда унесли —
Выводит белое на синем.

И я хотел бы облака
В их лёгком написать полёте,
Как онемевшая рука
Усталого Буонарроти.

Залив

Песню забытой свободы найду ли,
Душный развею застой?
Только далёкие годы дохнули
Необозримой мечтой.

Так открывается с горки покатою,
Ветром знакомым пронзив,
С белыми гребнями, зеленоватый
Благословенный залив.

Блещущей до горизонта волною
Соединяя в груди
Всё, что в далёком растаяло зное,
С тем, что ещё впереди.

У ЗАЛИВА

Весна

И вновь от аллей потянуло сиренью,
Дыханьем акаций и ранним совсем
Несмелым жасмином... дремотною ленью,
Свободой, влечением... бог знает чем!

Пронзительна свежесть приморского мая,
Лишь дождь мимолётный кусты увлажнит,
И мокрого парка дорожка прямая
Пронзает цветеньем и жизнью пьянит.

Недолго мы бродим по этим аллеям,
Недолго в глаза дороге глядим:
В годах увязаем, в заботах дряхлеем...
И всё уплываем в жасминовый дым.

Лето

Тропинка пыльная, крутая
Средь чахлых трав,
У моря дремлет чаек стая,
Кружить устав.

По окоёму взгляд скользящий
Куда ни кинь:
В дали сияющей, слепящей
Искрится синь.

Сонливый зной в лучах усталых,
Грядёт закат;
Лишь солнце скучное на скалах,
И треск цикад.

Осень

Ищет сегодня приюта
Над опустевшим селеньем
Ветер осенний.

Трогает голые ветки,
Долго играет на гальке
Старой газетой.

Поздняя, хриплая пена
Плещет, назад уползая;
Гул бесполезный.

Чудятся в гребнях бескрайних
Смутные, хрупкие плечи,
Вечная скрипка.

Жизнь пролетела, и скрылись
Над беспокойной волною
Белые крылья.

Катер

Ах, когда бы получше запомнили,
Как летели пронзительно мы
Вдаль, где ждали песчаные отмели,
И над морем склонились холмы.

За кормою кипящие полосы
Исчезали в пространстве морском,
И трепало счастливые волосы
Вдохновенным морским холодком.

Жизнь умерила всё, и растратила...
Но, когда набегают слеза –
Как летят эти гребни у катера,
Прядь по ветру и брызги в глаза!

Тихая бухта

О.М.

Я в синих шлёпках, ты — босая —
К заветной бухте вдалеке —
Брести вдоль моря, увязая
В горячем и сухом песке.

Твои случайные ворчалки
С улыбкой слышать за спиной,
Глядеть в простор ленивый, яркий,
Любуясь медленной волной.

Потом на солнышке осеннем
Лежать, болтая ни о чем...
Мы настоящего не ценим,
Лишь позже оживая в нём.

И ты далёкий берег кликай
И уходи порой туда,
Где, усыпляя, в бухте тихой
Блестит и плещется вода.

В тайге

Будь собой!... Ни в жену, ни в подругу
Не играй — затянулась игра.
Бей же в бубен в хожденьи по кругу,
Ворожи в полыханьи костра!

Как ты мне выживать помогала!
Только смерть полюбить помогла.
Пусть, искрясь, у порога Валгаллы
Разгорается дробная мгла!

На виду у смолистой дружины,
В чьих рядах не забыли пока
Уходящие ввысь старожилы
Обречённый поход Колчака.

Пусть коряво шевелятся губы,
И костёр всё ярее горит,
Как пылали тяжёлые срубы
Позади эскадронных копыт.

Вот и я эту музыку в жилах,
Это жжение не удержал;
Так взрываются звёзды, не в силах
Пережить нарастающий жар.

Долгим эхом в разбуженной хвое
Разрастается сбивчивый ритм,

В Казахстане волчица завоет,
Ястребиный зрачок возгорит.

Вдрогнет бронзовый нищий на Ганге,
Скосит глазом взволнованный конь...
Бей же в бубен, языческий ангел!
Бормочи в свой священный огонь.

Лестница

Спускайся по знакомой лестнице.
Ты никогда при мне не плакала.
Так уходили в ночь ровесницы,
Набойками прощально звякая.

Теперь и ты, ребёнок брошенный,
Дразни растаявшей косынкою...
Шаманка, ягодка, морошина
С осенней горькою кислинкою.

Но ни слезами, ни ступенями
Не ускользнуть от неизбежности...
Осталось слишком мало времени...
Что эти шалости и нежности?

В мир возвращайся, прядь поправивши.
Я закалён давно разлуками.
Так пот, стекающий на клавиши,
Не смешивается со звуками.

ФИВЫ

О.М.

Веет радостью утренний ветер
С отдалённых пшеничных полей,
Камыши шелестят на рассвете
О воздушной тунике твоей.

От волны благодатной и синей
И прохладной, как юность твоя,
Облака уплывают в пустыни,
Драгоценную влагу тая.

Как Амон — восходящих курений
Аромат в полумраке вдыхал,
Благовония хрупких коленей
Каждый взмах донесёт опахал.

Эти детские, лёгкие груди
И газели доверчивый взгляд
Над кусочками дыни на блюде,
Как некрепкие вина, пьянят.

И покуда ты вьёшься кругами
Вся в изгибах мелькающих рук, —
Как победная песнь над песками,
Поднимается ветер вокруг.

И жрецы, и писцы, и рабыни
Опускаются в темень гробниц,
И тоску копошенья в пустыне
Засыпает песок без границ.

Только гибкое тело кружится
Над потугами вечной тщеты,
Словно в небе летит колесница,
И стучат топоры о щиты.

Обелиск

Я знаю только этот обелиск
Любви ушедшей — плещущий и древний,
Когда несут прохладу лёгких брызг
Его валов белеющие гребни.

Что жжёт ещё обидой и виной,
Врачует он движеньем и покоем —
Развеет ветром память над волной,
И смоем боль бесчувственным прибоем.

А то, что номер твой ещё не стёр —
Простительная, в общем-то, ошибка...
Есть в мире — только ветер и простор,
И в море уходящая улыбка.

* * *

Уйдут друзья, уйдут подруги...
И ты в последней тишине
Постигнешь вдруг «Искусство фуги»
С оставшимся наедине.

Не скрипку первого концерта
С её неистовым смычком,
Где словно маленькая Герда
Идёт по снегу босиком.

Не зависание над бездной
В мятежной переключке двух...
А так... в осенний день воскресный
Чудит и отдыхает дух.

С давно заброшенной пластинки,
С небес синеющих глубин
Колышет ветер паутинки
Среди берёзок и рябин.

Уже громовые раскаты
Не разливаются в груди,
Уже хоралы и токкаты
Затихли где-то позади.

Уже ты выбрался из чащи
В день просветлённый и сухой,

И впереди — сквозной, летящий,
Свободный, девственный покой.

И свет осеннего простора
Ложится охрой на кусты,
Куда уже без страха скоро
Стежком усердным ступишь ты.

Павел Васильев

Шумный вихор, белозубое чудо,
В слово впитал, повторяя взахлёб,
Пыл суховея и поступь верблюда,
Степи взъерошенной вечный галоп.

Как из земли пересохшей и скучной,
Где над песком запинается речь,
Голос мятежный и стих полнозвучный
Ты умудрился однажды извлечь.

Только свободы взыскующей грудью
Так оживляют гудящую медь,
Где, салютуя клинками безлюдью,
Хмурые всадники сеяли смерть.

...Будет всё так же тянутся светило,
Влажные травы будя по утрам,
И, как столетья цвела и пылила,
Степь открываться новым ветрам.

Беркут вбирает в тоске острокрылой
Горечь простора, предчувствуя плен,
И над твоею бескрайней могилой
Киплинг снимает пробковый шлем.

ЦЕЛИНА

Сергею Алиханову

«...под Кокчетавом верблюд кричит...»

Павел Васильев

Степь

Как тянет вдаль простор табунный,
Как травы майские томят,
Когда над степью ветер юный
Разносит ранний аромат.

А дальше всё мертво от зноя:
Травинки чахлые в песках,
И воздух зыблется слюдою
В морщинистых солончаках.

Простой уклад степного быта
Порыв веков стереть не смог:
Пронесят верные копыта,
Из юрты тянется дымок.

И в отчуждении спокойном,
Как выстрел Сильвио в туза,
Привыкшие к пескам и войнам
Терпенья узкие глаза.

Держава

Где беркут складывает крылья,
На землю падая стрелой,
Твои последние усилия
Вонзаются в целинный слой.

Где, припадая к чёрной гриве,
Летит казах бог весть куда,
В очередном своём порыве
Натягиваешь повода.

Однажды вынув меч из ножен,
Его обратно не вернёшь —
И вечный зуд в тебе заложен
Кромсать, бурить и сеять ложь.

Как самолёту — без движенья,
Рабочей домне — без угля,
Ты ищешь новые сраженья,
Трубишь у нового руля.

Добив последних недобиток,
От хмурых дел не отдохнёшь —
И в масле клеветы и пыток
Врагов бессмысленных печёшь.

В призывных лентах паровозы
Летят в нетронутую тишь,
И в упоеньи новой дозы
Терзаешь почву и рычишь.

Ещё Коран его не застишь,
И в минаретах спит Кабул,
Но степь, распаханная настезь,
Уже далёкий слышит гул.

Ты надорвёшь себя в погоне
По кругу в рваных удилах,
Где лепестки на горном склоне
Алеть благословил Аллах.

Твоя бессонная забота
В хрустальный ляжет мавзолей
Из соли высохшего пота
Летящей конницы твоей.

Пыль

Пути Великого монгола
Сошлись в пылающей степи
С последней вахтой комсомола
И общей кружкой на цепи.

У раскалившихся колючек
Песками занесённых зон
Бригады шумных недоучек
Грызут зубами чернозём.

Ещё в совхозах не обули.
Не нацепили ордена.
И скоро засухи и бури
Развеют пылью их дела.

Но утром трут глаза бараки,
И высыпает в степь отряд:
Зевают в гулком полумраке,
И умывальники гремят.

А в полдень не моргнёт светило.
И давит стойкая жара.
И, как советские кадила,
Дымят на пашне трактора.

Состав грохочет за составом.
Трясаясь, пылят грузовики...
Кричит верблюдов под Кокчетавом...
Текут сыпучие пески.

Фет

Его посетила Толстая.
За окнами густо мело.
Какую-то книгу листая,
в постели дышал тяжело.

Скрипели полозья за домом,
и хлопья неслись всё сильней;
и пахло тоскою и бромом,
и затхлостью старческих дней.

«Да, вот прихватило... болею.
Глухие теперь холода...
А, помните — в липах алею?
Мы долго бродили тогда.»

Измучась неловкою позой,
привстал на подушках прямей...
А где-то далёко — над розой
бессильно рыдал соловей.

На чердаке

Ужасны комары на чердаке,
Часами достают, не умолкая:
То на руке прибьёшь, то на щеке...
И вновь на теле глохнет, тварь такая!

Ну, хоть от сна на время отвратят,
А то сегодня выдержу едва ли...
Трудней всего не спать под треск цикад
в сухой траве — на горном перевале.

За годом год — в преддверии конца,
От пропасти отгородившись делом,
Мы все сидим на мушке у творца,
И смутно дышим под его прицелом.

Чего хотел всевышний невдомёк
Блуждающим наощупь по траншее...
Ещё чуть слышный в духоте хлопок —
И пятнышко кровавое на шее.

Затихнет нудных прений канитель,
И, из дверей тяжёлых выйдя вскоре,
На миг застынет в перекрестье цель —
И плавный спуск... И море, море... море!

Слепой полёт

Отцу

Между мной и небесным простором
Плотный иней лежит на стекле,
Я машину веду по приборам
В напряжённой предутренней мгле.

Чтобы в чёрное у перевала
Не сорваться в смертельном пике,
Настороженно ручку штурвала
В онемевшей сжимаю руке.

Крепнет холод и дразнит паденьем,
И на крыльях сгущается лёд;
Только волей и внутренним зреньем
Я слепой продолжаю полёт.

Вот и связь в шлемофоне заглохла...
Но пронзительно чую в ночи:
Встанет солнце — и брызнут на стёкла
И в глаза — золотые лучи.

В глуши

Расставайся с последней любовью,
Не жалей, что вокруг ни души —
Ты уже привыкаешь к зимовью
В заповедной таёжной глуши.

Утопая в снегах по колено,
За свободу теплом заплатив,
Вдалеке от настырного тлена
Выводи свой последний мотив.

Восходи в небеса нелюдимо,
Не найдя заземленья нигде,
Сизой струйкой безвестного дыма
К индевелой сибирской звезде.

Оближи пересохшие губы
И взмахни на прощанье рукой
У замшелого, старого сруба
Над широкой, таёжной рекой.

* * *

Что актёру потёртая сцена,
Запылённый в игре реквизит?
Чем согреет его Мельпомена,
Если холодом небо грозит.

Вот ему присягают народы,
Вот Офелия гибкая льнёт,
Но сквозняк закулисной свободы
Пробирает, гудит и зовёт

Знает твёрдое сердце актёра,
Закалённое в кузнице лет,
Что опустится занавес скоро,
И погаснет навязчивый свет.

Ужин

Пускай в котле, огнём объятom,
Настигнет всех небесный гнев,
Фазан хрустящим ароматом
Влечёт, как тело юных дев.

Не зря его фаршировали
Печёнкой, луком и яйцом,
И бочки прятались в подвале
С лукавым мозельским винцом.

В нагретой мгле ласкает тело
Прохладой свежее бельё;
И только потный Лепорелло
Лепечет в ужасе своё.

Что обдаёт нездешней силой
Шпор приближающихся звон,
Что гордый камень над могилой
Тревожить было не резон.

Тебе пока ещё не больно,
Но всё настойчивей в ушах
Тяжёлым гулом колокольным
За шагом нарастает шаг.

Ещё ты не доел омара,
И дразнят пудрой кренделя,

Но от последнего удара
Уже колеблется земля.

И скоро жалко хрустнут кости
В тоске бессмысленных словес
В ладони каменного гостя,
В рукопожатии небес.

Последний ужин Дон Жуана.
Возмездья твёрдые шаги...
И стынут косточки фазана
На жирном серебре фольги.

Ночью

Всё не так в эти стылые ночи,
В эти долгие ночи без сна,
Снова память уняться не хочет,
И допросы ведёт тишина.

Хоть пытай — а не будет ответа,
Всё по жизни угасло почти,
Только слабые всполохи света
В отдалённом начале пути.

Из промозглой пустыни — ни звука,
Лишь мотор пронесётся порой,
Да вдогонку промокшая сука
Заскулит в подворотне сырой.

Тронет ветер озябшие ветки,
Вздрагнет город, безлюден и гол,
И в грудной остывающей клетке
Отзовётся последний щегол.

Лунатик

Когда прибой, глухой и дальний,
Слышней рокочет в темноту,
Лунатик бледный в душной спальне
Вдруг поднимается в поту.

Он смотрит за окно... и вскоре
Выходит твёрдо на крыльцо,
Тревожно вслушиваясь в море
И повернув к луне лицо.

Тропу находит за садами,
Во тьме спускается к волнам,
Ступая ровными шагами
К тому, что непостижно нам.

Как у паломника в пустыне,
Следы теряются в песке;
Глаза незрячие застыли
На чём-то главном вдалеке.

Один ведущий гений знает,
Что у безумца на уме,
Куда упрямо он шагает,
Всецело доверяя мгле.

Не различая волны рядом,
Бредёт к темнеющим холмам...

Так твёрдо над невинным чадом
Нож поднимает Авраам.

Темна под звёздами дорога,
И тем сильнее тянет в путь,
Чтобы у дальнего порога
Всё разрешилось как-нибудь.

* * *

«...как попарно когда-то ходили поэты».

Г. Иванов

1

Смешливый, радостный с мороза —
К столу, где ручка и тетрадь:
Как линзы круглые — Спиноза,
Сопеть и строчки шлифовать.

...Водили музы хороводы,
Под ветром реющих знамён,
И нищие держались годы
Тем, что подарит Аполлон.

2

Когда, голов не поднимая,
Под марши сиплых духовых
Брели колонны Первомая
В продутых ватниках своих.

Когда на плитах мавзолея
Плясал с улыбкой Вельзевул,
«Россия, Лета, Лорелея...» —
Лишь ты на все лады тянул.

3

В тайге — под лязганье состава
Трясётся спёртая тоска,
И курят до ногтей устало
По кругу тесные зека.

Привстань над всем, тряхни горячей
Обритой наспех головой,
И ты увидишь — дым в «Бродячей»...
И двух поэтов над Невой.

Над волной

Скажи мне, несущая волны река,
Зачем над тобой проплывают века.

И северный ветер средь каменных плит
Насквозь пробирает и воду рябит.

...Зачем над тобою под стук топора
Кипела студёная воля Петра.

И, мёртвых не грея, горели костры,
Гудела метель и вставали кресты.

...Зачем в полутьме на свечу и тетрадь
Слетала легчайшим пером благодать.

И мёртвого Пушкина дровни везли
В морозную даль святогорской земли.

...Зачем, словно это случилось вчера,
Бежали во тьме и кричали: «Ура!»

И били прикладами в скулы и грудь
Всплывавших из проруби — воздух глотнуть.

...Зачем над тобою ночами, река,
Дрожали подъезды и ждали звонка.

И, молча сложив чемоданчик с бельём,
До первых лучей не ложились вдвоём.

...Зачем вдоль ограды в голодном бреду
Тащили родных по неровному льду.

И ветер в сугробах свистел по пути,
Что некому будет тебя отвезти.

...Зачем я стою у последней черты,
Смотря, как течёшь безучастная ты.

...Река убегает... Молчанье хранит.
И плещет, и плещет волна о гранит.

Колокол

Настойчивый и твёрдый гул,
В грядущем дне уверенный,
Хочу, чтоб снова затянул
Ты свой призыв размеренный.

Чтобы из бездны голубой
Протяжными глаголами
Небесный набегал прибор
Ударами тяжёлыми.

Как при осаде — без затей
И лишь толчками ровными
В ворота били крепостей
Увесистыми брёвнами,

Так заблуждений ворота
Распахивает колокол,
Чтоб после с пеною у рта
Не потащили волоком.

Пусть дрогнет сердце навсегда,
Как с дрожью долгожданною
Птенец взлетает из гнезда
Впервые над поляною.

Пусть далеко до облаков,
Но дело лишь за сроками —

Его уже несёт легко
Воздушными потоками.

Так повторяйся и зови
К слезинке покаяния,
В простор распахнутый любви,
К стопам Его сияния.

На скамейке

Над изрезанной финкой доскою,
Не успев причаститься пока,
Побратались с осенней тоскою
Бесполезные два старика.

Их давно уже прокляли дома,
Притомились — махнули рукой;
И застыла смурная истома
В их глазах, как туман над рекой.

За казармой, заводом, тюрьмою
Со скамейки глядят в пустоту,
Их связало терпенье немое
И угрюмая сухость во рту.

В бесприютной один телогрейке
И в погубленной куртке другой
По округе сшибают копейки,
Чтобы к влаге пробиться благой.

Чтоб забулькало что-то в стакане,
А потом разлилось в алкаше
Всё, что смутно копилось веками
В неприкаянной русской душе.

* * *

В чахлой комнате вянут растения,
И теряются вечно очки;
Бесконечное, вялое чтение,
И неострые когти тоски.

Все давно отдыхают умолкшие
Под травой на могильных холмах;
И сутулишь ты плечи намокшие
После вылазки в ближний продмаг.

Всё за тусклые годы отлажено:
Старый ключ завершит полукруг,
Опустеет замочная скважина,
И в прихожей набросится друг.

Переживши своё обаяние,
Жизнь давно холодна и пуста,
И осталось — лишь это влияние,
Эта радость чужого хвоста.

* * *

Он долго бродит по столице
Бесцельно, будто бы впервые,
Глядит на суетные лица
И видит камни гробовые.

И, если приглядеться зорче,
В столичной толчее и гаме
В нём кроме нежности и жёлчи
Ничто не выжило с годами.

Он отвечает односложно,
И улыбается любезно,
И вам представить невозможно,
Какая между вами бездна.

Ведь он давно в пустынях дальних
Своих надежд неутолённых
Средь тополей пирамидальных
В палящий купол устремлённых.

Санаторий

Старуха долго допивает чай,
Оттягивая выбор после чая:
Броди весь день, на лавочке скучай
Или читай, над книгой засыпая.

Старик покорно ждёт, и трёт очки
Как ветеран далёкую награду..
По вечерам играют в дурачки,
А днём с туманной скукой нету сладу.

Ну, сколько можно обходить вдвоём
Пригорок жалкий с рощицей сосновой,
И всё глядеть на тёмный водоём,
Всё ждать и ждать кормления в столовой.

Кругом октябрь... Дорога в пустоту.
И скука по обочинам глухая.
Вот почему остывший чай во рту
Она так долго держит, не глотая.

Костя

Где мелкий гнус не уставал звенеть,
И жестко солнце парило в зените,
Что ты искал — железо или медь —
В плену своих иллюзий и наитий.

В шампанском «Голубого огонька»
Пел о тропинках благородный Трошин,
И по высокой блажи дурака
Ты был у сопок высажен и брошен.

И только лёгкий посвист ветерка
Сменил висящий грохот вертолёта,
Уже врывалась первая строка
В распахнутое сердце патриота.

И застучали в дебрях топоры,
И зубы — в ливнях вымокших до нитки —
У бурных рек ты разводил костры
И на горбу тащил свои пожитки.

Чтобы с годами всё, что ты нарыл
Под долгим эхом на кандалных трактах,
Делили с боем восемь-десять рыл,
Гудящие со шлюхами на яхтах.

...Склонив остатки жиденских волос
Над голубыми клетками в тетради,

Что прошагать когда-то довелось —
Рифмуешь вечерами бога ради.

В квартире затхлой бледная жена
Давно лежит тяжёлая, седая,
И в комнате застыла тишина,
Как зверь в засаде, жертву поджидая.

Всё, что осталось от бегущих троп,
От рек широких и бескрайней хвои —
Лишь этот белый на подушке лоб
И старостью пропахшие обои.

И лишь улыбка детская у губ
Напоминает мальчика в ветровке,
Когда под вечер выделяет клуб
Тебе четверг для творческой тусовки.

Чтоб ты со сцены что-то прожевал,
И закричал в болезненном поклоне,
И полтора десятка доживал,
Оскалясь, били в потные ладони.

У стены

Застыла у стенки каталка
С откинутой бледной рукой,
«Ты здесь?...» — еле слышно и жалко
Тревожит приёмный покой.

Старуха почти неживая,
Ладонь положив на живот,
Порою глаза открывая,
Притихшего мужа зовёт.

«Я здесь.» — ей старик отвечает
В каком-то дурном забытии,
И всё головою качает,
Смотря на калоши свои.

За жизнь устоялась привычка
Глядеться в родные черты,
И тянется их переключка
Уже у последней черты.

Сползания к зябкому краю
Не в силах одна перенести,
И хочет сказать: «Умираю...»,
А всё окликает: «Ты есть?...»

* * *

Он не помнит мелькнувшие годы,
Кто он есть, где родные и дом,
И уносят его пешеходы
В отупевшем теченье своём.

Поздней жизни безвкусную жвачку
И далёких надежд островки —
Стёрло всё — как стирают задачку
Мокрой тряпкой со школьной доски.

Растворяясь в столичном пейзаже,
В ранних сумерках тает пальто;
Может, схватится кто о пропаже,
Может, и не заметит никто.

От брелков и ушанок Арбата,
И тяжёлых армейских дворцов
Всё бредёт и бредёт он куда-то —
Через мост — вдоль афиш мертвецов.

До размытых в потёмках окраин
Путь его обречённый лежит:
То ли ищет пристанище Каин,
То ли Вечный скитается жид.

Стал он рано пустым и усталым,
И уносит людская река
По ослепшим в заботах кварталам
Позабывшего всё старика.

Посёлок

Где к морю узкие тропинки
Сбегают с выгоревших круч,
На роды, свадьбы и поминки
Бросало солнце ровный луч.

Под окнами месили глину,
Коптили утренний улов,
И гнали сонную скотину
На склоны жаркие холмов.

Горела тусклая лампадка
У неподвижных, тёмных глаз,
Просили шепотом достатка,
Чтобы простил Господь и спас.

В работах тяжелели руки,
Копились хвори и грехи;
Брели на кладбище старухи,
Где их лежали старики.

Хозяйским обводили взглядом
Оградки ветхие в пыли;
И в свой черёд ложились рядом
Под комья брошенной земли...

И вновь — на скалах сушат сети,
Под солнцем бродит жизни смесь,

Как-будто не было на свете
Когда-то промелькнувших здесь.

Над галькой резкий голос чаек...
И набегающий прибой —
Как приговоры чрезвычайек,
Как зов упрямый — в вечный бой.

Дворик

Кирпичный дом конца сороковых
На стенах — солнце осени сухое;
Спасенье рядом — просто ты отвык
От чистого и ясного покоя.

Но маленькие птички так поют,
Так много в небе желтизны и сини,
Что понимаешь — это твой приют,
Мираж осенний посреди пустыни.

Бесцельный луч, скользнувший по стеклу,
В горшочках позабытое алоэ,
И птичий гимн последнему теплу,
И к сердцу подступившее бывшее...

Помилуй боже, что там взорвалось
И понеслось средь хаоса и пыла,
Чтоб для меня тепло твоих волос
Дворовая скамейка сохранила.

И облекал в материю бозон
Частицы, пронесившиеся рядом,
Чтобы летели листья на газон
Перед усталым, полусонным взглядом.

В степи

Разносит ветер тысячи судеб,
Чернеют разоренные поместья...
Какая ночь! Кузнечики и степь.
И дым костра в далёкие созвездья.

Жива ли ты? Не знаю... но жива
Перед прощаньем в утреннем тумане...
Стрекочет... не колышется трава,
И дремлет лошадь, и прядет ушами.

Здесь у огня — ни мыслей, ни тревог —
Покой и степь в свободе бестелесной,
И не понять: усталость или бог
Отняли волю и объяли бездной.

Сморит под утро запах чабреца,
Озябшие угомонятся травы,
И скатится росинка у лица
Перед дорогой смутной и кровавой.

Вальс

Воздушно, наивно и кротко.
Как счастья девичьего всхлип,
Когда показалась пролётка
Вдали зеленеющих лип.

Беспечно, прозрачно, далёко...
Как облако в чистом пруду.
Как пряди над строчками Блока
В каком-нибудь зыбком саду.

Я слышу — шуршат по паркету
В счастливом порыве шелка;
Последнее мирное лето
Флиртует и шутит пока.

Как-будто сквозь горечь опалы,
Сквозь хаос и дым мятежа
Последние, лёгкие пары
Ко мне долетают, кружа.

Гермес

1

Когда мычало угнанное стадо,
И подгонял его горячий свист,
Чего тебе, посыльный, было надо?
Чего ты ждал, небесный аферист?

Как мог ты знать, что избежишь возмездья
И зорких стрел страшиться не резон:
Коснёшься струн — и обомрут созвездья,
И всё простит за пенё Аполлон.

2

Воздушные сандалии постыли
Или на Зевса шестерить устал,
Но полюбил — застыть среди пустыни —
И волю дать взволнованным перстам.

И на безлюдье — понимаешь вскоре,
Как лирная свобода хороша,
Когда тревожит жилы на просторе,
Саму себя хлебнувшая, душа.

3

От белых храмов Аттики лазурной,
Где запросто спускались боги вниз,

В наш беглый век — болтливый и сумбурный —
Струной забытой туго протянись

Когда нахлынут горечь и обида
В конце всего — и жизни станет жаль,
До мёртвых стен холодного Аида
Протяжным эхом долго провожай.

Елена

Такие ресницы на распри и войны
Народам дарила ревнивая Гера,
И гневом гудели эгейские волны,
Когда на восток уходили триеры.

И плечи поникли измученной Трои,
Пока у соперников вязли сандали,
И в жаркий песок оседали герои,
И сильные птицы на мёртвых слетали.

Чтоб лёгким хитоном прикрытое тело
Некрепкою юностью благоухало,
Чтоб только цепочка небрежно звенела
По мраморным плитам у тронного зала.

* * *

Оттого легки и гулки
Далью полные стихи,
Что в Тишинском переулке
Тарахтят грузовики.

Чем тусклее в спячке будней
Жизнь без друга и врага,
Тем свежей и изумрудней
В ясных волнах берега.

Чем развязней эти танцы
И наглей фигляра пыл,
Тем угрюмее спартанцы
В узком горле Фермопил.

Чем тошней и глуше стены,
И назойливее пыль,
Тем пронзительней из плена
Вдаль зовёт Иезекиль!

* * *

Ну, вот и петух прокричал
В рассветную зябкую муть,
И с детства знакомый причал
Отправит в назначенный путь.

Прощай, мой забывчивый друг,
Не майся горячей виной –
Скрипит и вращается круг
Тяжёлый, гончарный, земной.

Отраднo до звёздных миров
Тебя на корме вспоминать,
Смотря, как дымящийся рёв
Тревожит озёрную гладь.

В палате

Словно небо вопрошая — в муке,
В хрипе со слюною пополам,
Разбросав беспомощные руки,
Умирал Шаламов Варлаам.

Не на радость скорчился в кювете
Вохровскому меткому стрелку,
Не от дистрофии в лазарете,
Не с блатной заточкою в боку.

А в спокойной, будничной палате
С вязаною шапочкой на лбу
На тоской искомканной кровати
Завершал колючую судьбу.

Что ему теперь стихи и проза,
Радость пайки, отупевший страх?
Проступают борозды мороза
На тепло теряющих щеках.

Ну, а ты, носившийся над бездной,
Нас уже оставивший почти,
Наклонись над койкою железной
И неверье страннику прости.

Осенью

Где бесшумно осенняя морось
Оседает в туман городской,
Всё изныло, и перемололось
В безысходной толкучке людской.

Только ветер от жизни остался,
Но его рассказать не могу;
И тоскую, как Павел из Тарса
На закатном морском берегу.

Тяжело к подступающей стуже
Утеплиться по горло Москва;
И летит в неглубокие лужи,
Засыпает столицу листва.

На забрызганном, чёрном асфальте,
Где с бензином смешалась вода,
Засыпайте меня, засыпайте —
Заносите меня навсегда.

Под стук копыт

* * *

По мороси скучной,
По вечной грязи
С печатью сургучной
Бумаги вези.

Пусть вязнут колёса
В свои колеи...
Приказы, доносы,
Признанья в любви.

* * *

С депешей срочной
Промчи седока
Под окрик полночный
И шпоры в бока.

Хрипи перед сменой,
С удушьем борясь,
С горячею пеной
В последнюю грязь.

* * *

И всадник, и сбруя —
Всё стройным к лицу —
Парадно гарцуя
На ярком плацу.

В одетых на зависть
Гусарских полках
Вдоль юных красавиц
С цветами в руках.

* * *

Средь бранного пыла,
Поверженных тел
Свирепый Аттила
По полю летел.

Под рёвом героя
Неслась напролом...
И мясо сырое
Несла под седлом.

* * *

Под грохот и слёзы
От брошенных хат
Тянулись обозы
На дальний закат

От белых и красных
Сквозь годы и дым
В скитаньях напрасных
По травам седым.

* * *

Меня, пламенея,
Почуешь в раю
И длинную шею
Поднимешь свою

От ровного луга,
От свежей травы,
Приветствуя друга
Кивком головы.

Искусство фуги

Отраднo позднее безделье,
Над шёлком полупраздный час,
Узор нехитрый рукоделья,
Не предназначенный для глаз.

Ни сил, ни страсти, ни порыва.
А просто — годы отстранив —
В стежок волнистый перелива
Другой вплетая перелив.

Дремотное однообразье,
Мотив без смысла и конца...
Скользи по мне волшебной мазью,
Лишая плоти и лица.

Журчи, последняя свобода,
Блаженство на исходе сил,
Покуда сетью небосвода
Господь до срока подхватил.

Осень

Сырость, равнодушие и скука.
Пропасьть одиночества мутна.
Бросишь камень — не услышишь звука,
Всё летит — не достигая дна.

Хорошо, что всё ещё умею
Оживлять опавшие листья;
Уходя в пустынную аллею,
Звуки извлекать из пустоты.

Так не снёс витающий над бездной
Мёртвого безмолвия вокруг,
И в избытке воли бесполезной
Создал мир — чтобы слышать звук.

Бросил вниз пылающее слово,
Заглянул в зияющий проём
В ожиданье отзвука живого...
И услышал... Это был псалом.

Индия

Не в келье терпеливого монаха,
Где в тишине молитвы и поста
Он гонит тень сомнения и страха
И к милосердию тянется Христа.

Не под крылом великого Корана,
Ведущим в рай среди земных трясин,
Где в холодке рассветного тумана
Нам утро возвещает муэдзин.

Но там, где сами отрешенным духом
Тропу спасенья в зарослях торят,
Где никогда земля не будет пухом
В цепи перерождений и утрат.

Где вверх под флейту смуглого бродяги,
Качаясь, изгибается змея;
Воистину, нигде не видел я
Такой могучей, исступлённой тяги
Из губительного круга бытия.

Не здесь ли в день паденья рокового,
Изгнанникам даря прощальный свет,
Сам Вседержитель нежно и сурово
Бесплотных губ своих оставил след.

* * *

Сестрам Бекбастиевым

Озирает спросонок
Подвернувшийся кров
Этот грустный ребёнок
Из далёких песков.

Снова долгий и зябкий
День студёной зимой...
Банки: вёдра и тряпки.
Переводы домой.

Без угла и свободы
Вы бледны и худы —
И текут через годы
Реки грязной воды.

Чахнуть в мире жестоком,
Чтобы лет через пять
Возвратиться к истокам,
Чтоб потеть и рожать.

Гнуть хозяйство, без грусти
Провожая года,
И истлеть в захолустье
Без следов, навсегда.

Где улыбка остынет,
И растают черты,
Где по кочкам пустыни
Разбросало кусты.

Дней моих на исходе,
Сожаленья на дне,
Как мечта о свободе,
Ты прижалась ко мне.

В смутном мареве града,
В дикой скачке химер
Ты — покой и отрада,
Как студенческий сквер.

Не задетая гулом,
Ты, как детство, легка,
Как дымок над аулом,
Как глоток молока

Примостись к изголовью,
Потеплее ложись,
Расскажи про коровью
Непутёвую жизнь.

Как верблюд отдыхает
В утомительный день,
Как у дома мелькает
Лёгкой ласточки тень.

Как печёт в огороде
Под гуденье осы,
И по улицам бродят
Беспородные псы.

Всё острей и дороже
Мне чужая судьба,
Будь я чуть помоложе,
Я бы выбрал тебя.

Чтобы сиростью мира
Возмущала покой,
Чтобы сердце щемила
Каракумской тоской.

Чтоб со мной разделяла
Перепутья дорог,
Как зверёк савояра —
Любопытный сурок.

Сергианец

Не чернело в грудь винтовки дуло.
Не глушил прикладами конвой,
Только черным холодом дохнуло
Из блокадной тучи над Невой.

Зарывайся дома в одеяла,
Всё равно сегодня не уснуть,
Если рядом бездна засияла,
А дрожишь — и боязно шагнуть.

И тебе сквозь треск радиосводок
В хмурый час военных новостей
Слышится шипенье сковородок,
Лютый вой и шуточки чертей.

И когда разрывы от фугасов
Сотрясают мёртвый Ленинград,
Из углов замученные в рясах
Неотрывно на тебя глядят.

Сколько их упрямых по Сибири
Оседало под морозный хруст
Со стихом из пламенной псалтыри
У сухих и непреклонных уст.

Мукадаз

Жизнь продолжается... Узбечка Зульфия
Её опять успешно продолжает:
Хоть впроголодь едва живёт семья,
К исходу лета пятого рожает.

Они живут, как дерево в саду,
С которого легко плоды собирают:
Твердят Коран, чтоб не гореть в аду,
Растят детей и просто умирают.

И всё покроет не поток с небес,
Не лавы войн и не пески Сахары,
А женщины с дитём наперевес
Широкие под платьем шаровары.

Смиренные они поглотят нас,
Чтоб наших ложных истин не касаясь,
Лепёшки печь и совершать намаз,
И ворковать, плодясь и размножаясь.

Турция

Здесь, оживляя каждый пласт,
Встают герои и святыни,
И в полусне Екклезиаст
Устал считать круги над ними.

Здесь Гераклит старел один,
И ночью, выйдя из пещеры,
Смотрел в мерцающие сферы
И в бездне логос находил.

Где римский проходил отряд,
Сельджуков конница пылила;
Склонясь над клятвой, Гиппократ
Тростник обмакивал в чернила.

Пытался Плавта перечесть
Проконсул, истрясаясь в дороге;
От синагоги к синагоге
Апостол нёс благовую весть.

* * *

Есть предел у твердыни,
Как бы храм не высок —
Подступают пустыни,
Засыпает песок.

Помнят мрамор ступеней
И остатки колонн
Маяту поколений
И усталость времён.

Жертвы, царства и троны
И пожары Аттил;
И блаженные стоны
Под мерцаньем светил.

Среди грузных и пыльных
Отслуживших камней
Назиданий могильных
Дальний голос слышней.

Только стих на латыни
О песке суеты,
Где по кочкам пустыни
Разбросало кусты.

* * *

Как ясно в синеющей выси,
Усеяв небесный простор,
Блестит неразборчивый бисер,
Последний всему приговор.

И что этим сотням парсеков,
Где звёзды, как в море песок,
Искусство высокое греков,
И этот военный вальсок.

Но бездна летит мировая,
И в звёздах бушует огонь, —
Всё кружится, не уставая,
Как-будто бы слышит гармонь.

Геологи

Стучали молотки,
Кочуя по Сибири.

В палатке у реки
Друг друга полюбили.

Там утром холодок
Пронизывают трели...

В какой-то городок
Забрались и осели.

У яркого угла
Старели понемногу.

Потом она слегла
И потянулась к Богу.

Он всё таскал судки
И шарил по сусекам.

И продал молотки,
И бегал по аптекам.

До самого конца
Он делал всё, что должно...

Черты её лица
Припомнить невозможно.

В провинции

Всё вкрадчивей: «Уйди из дома»,
Где нудно тянутся года,
Где всё до крыс уже знакомо —
В рассвет, в дорогу, в никуда.

Где не моргнут в углах иконы,
Где обмусолят каждый шаг,
Где кур кудахтанье и звоны
Застряли навсегда в ушах.

От пыльного безмолвья быта,
Где лишь тарелками гремят —
В метель и бомбы под копыта, —
В позёмку, в бездну, в каземат.

Чтобы развеял звон кандальный
Всю эту тягостную муть
Над слякотью провинциальной
С кадилами в последний путь.

Надя

Как на всё смышлѐно отвечала
Гордости родительской свеча,
Белым бантом у стола качала,
Собственные строки лепеча.

Через десять лет уже курила
И студента в скверике ждала,
У потёртых джинсов семенила,
Через год — девчонку родила.

Раздалась, обмякла, потускнела;
И — одна уже который год —
Во дворе гуляя — то и дело
Дѐргает ребѐнка и орѐт.

Что ещё?... В уборках и зарплатах
Смутно осыпающийся срок...
Запахи больничные в палатах.
Кладбища забытый уголок.

Принимаю это поселенье,
Душный сон и скомканную явь;
Исхлещи ветрами искупленья,
Но от тихой пошлости избавь!

В остром, чистом воздухе Шекспира
Все пошли мне горести земли,
Но не это угасанье пыла
В безысходной чеховской пыли.

Остров

Там, где узкие джонки по утрам утопают в тумане,
И глаза протирают пропахшие рыбой домишки,
На мятежном осколке, окутанном морем Тайване
Мы кружим над законом и грязные крутим делишки.

Мимо трупа пройду осторожно, не пачкая тапок,
И, когда наглеца, завернув, понесут по ступеням,
Там, где вытертой крови ещё не развеялся запах,
Кареглазое чудо к моим наклонится коленям.

Может скорчусь однажды от боли — в беспомощном
хрипе

Даже имя твоё ощутить на губах не успею;
А покуда дремлю над судьбою в несущемся джипе
По залитому беглой рекламой ночному Тайбэю.

Всё назад ускользает — желанья, улыбки, утраты.
Уплывают, как джонки в бескрайнюю тайну морскую;
Потому — у тускнеющих волн провожаю закаты,
Над шумящею пеной в простор уходящий тоскую.

Чтоб с годами, измучась расчётами и говорильней,
Приютиться под марлей на продавленном низком диване
В сизоватом угаре чадающей гашишекурильни,
Удаляясь от берега, исчезая в прозрачной нирване.

Утро

Полить цветы с утра,
С улыбкой посмотреть,
Как шумно детвора
Играет на дворе.

Как новый день встаёт
В прозрачной высоте,
И празднично поёт
Пичужка на кусте.

Мы все тебе должны
Под бездной голубой
И потому дружны
И связаны тобой.

И потому слышны
Мне дети и кусты,
И потому влажны
Горшечные цветы.

Гольдберг

Вновь эта россыпь вариаций
Сквозною темой усыпит,
И шпили тёмные приснятся,
И плеск волны у скользких плит.

В осенней мгле потеют стёкла,
И с лёгкой грустью на губах
Сплетает беглые волокна
В сеть усыпительную Бах.

Не вечность ли почиет в мире,
Когда уже один в ночи
Играет мальчик на клавире,
И оплывают две свечи.

Ступени

Мотались какие-то тени
Деревьев в холодном окне,
Ступени, ступени, ступени
Во мраке мерещились мне.

Над мятой и душиной кроваткой,
Подушкой в гриппозном поту
Казалось, по лестнице шаткой,
Горя, ухожу в высоту.

Так трудно держать равновесье,
Над бездной дрожа, без перил,
Но рядом со мной в поднебесье
Ровесник и ангел парил.

И снова мотаются тени
В окне между тёмных гардин:
Ступени, ступени, ступени...
И я поднимаюсь один.

Моисей

Ты шёл вперёд в небесной силе
И путь указывал толпе,
Шагая днём в столпе из пыли,
А ночью — в огненном столпе.

Но те, кого в плену рожали,
Кто знали только хлеб и кнут,
Твои разбитые скрижали
Ногой в коростах оттолкнут.

Кто видел лишь чужую спину,
Сгибаясь под корзиной в зной,
Не поднимался на вершину
Услышать голос грозовой.

И ты, робея в гневном мраке,
Их не губить просил Творца —
Играющих в тоске и прахе
У ног блестящего тельца.

Твердили на вершине горной
Сухие в трещинах уста,
И был в мольбе твоей упорной
Завет грядущего Христа.

Старая квартира

Поразбросаны листочки
Здесь рассеянной рукой,
Казематной одиночки
Пол холодный и глухой.

Полумрак полуподвала,
Захолустье чердака...
Всё же тучка ночевала
Здесь прохладна и легка.

Как ты выжил в этом гаме,
В этом беге, в этой лжи?
В этой скачке вверх ногами
Как ты победил, скажи?

Виноградник

Виноградник в окрестностях Рима,
Неподвижный и медленный зной;
Жажда смертного неуголима
Отхлебнуть этой влаги хмельной.

...Нежность гроздьев тяжёлых и спелых
В загубелую ляжет ладонь,
И под сводами пышной капеллы
Первобытный запляшет огонь.

Здесь давно — вне религий и трона,
Древним гулом пронзая лета,
От могучих колон Пантеона
Тёмной глины гудит немота.

И опять — под рукой благодарной
К храму медленно тянется скот,
И над липкой плитой алтарной
Виноградарь бессмертный поёт.

Над арены кровавой отвагой,
Улыбаясь хрипящим рабам,
Грозный кубок с багровою влагой
Император подносит к губам.

Здесь и я — в отчужденье усталом
Равнодушно гляжу на закат

И, склоняясь над поздним бокалом,
Уходящий ловлю аромат.

Век земной утешая короткий,
Вверх ползущей лозе всё равно,
Чьи тоской иссушённые глотки
Освежит молодое вино.

* * *

Не перестанет вдаль греметь
От края русского до края,
Твоя торжественная медь,
Протяжным гулом затухая.

Тянулись к звонницам века
В крови мутнеющие взоры,
В призывах мерных языка
Ища сплоченья и опоры.

Услышишь в будни этот звон, —
И сердце подлинным забьётся,
Лишь отдалённо грянет он
И чем-то близким отзовется.

К твоим повторам сердце льнёт,
С твоими слить удары хочет;
И снова тянется в полёт
В простор небесных многоточий.

У моря

Напрасно подъёму крутому
Одышкой своей не перечь, —
К последнему стылому дому,
Где можно устать и прилечь.

Уже не скрипит половица,
Сверчок теплокровный уснул,
И только какие-то лица
Доносит размеренный гул.

Дороги недолгой и тряской
Осела усталая пыль,
И мокрою кисточкой с краской
Рисуй отдалённую быль.

Щетинки обмакивай в воду,
Сопя, по бумаге води,
Ты в мире такую свободу
Лишь раз обретёшь впереди.

В безмолвном и стылом затворе,
Где мальчик над красками спит,
И рядом тяжёлое море
В студёном тумане шумит.

* * *

За высокими лесами,
За разлукой, за слезой
Связь прервалась с небесами,
Смолк заветный позывной.

Тучи твёрдые нависли
Над ликующей бедой,
Тащит чёрт на коромысле
Вёдра с мёртвою водой.

Только в лёгком ветерочке,
В долетающей строке
Чудные тире и точки
Различаем вдалеке.

Но упрямым солдат убитый,
Головой упавший в грязь, —
Держит провод перебитый
И поддерживает связь.

Позёмка

Р.Б.

Всё дальше родные глазёнки,
Всё призрачней твой силуэт,
И быстрые вихри позёмки
По льду устремились вослед.

Спина одинокая стынет,
Под ветром сутулишься ты...
Обратно к истокам — в пустыню,
В старенье у душевной плиты.

Твой жребий везде одинаков,
И руки везде тяжелы:
От вёдер и мусорных баков —
В прополку, в уборку, в полы.

В заботы, в скотину, в пелёнки,
В пески ускользящих лет...
...И зыбкие вихри позёмки
По льду устремились вослед.

Я тоже поверю в Аллаха
И в райские кущи его,
Чтоб ты воспарила из праха
Когда-нибудь... после всего.

* * *

Есть место на земле, где бог меня заметил:
Там запахи полей доносит летний ветер,
Там, занимая день бессмысленным трудом,
Под вечер приходил к березкам над прудом.

Я поднимался в пять, пускаясь в путь недалёкий
От клумбы у крыльца до маленькой купальни,
И, обжигая плоть дремавшею водой,
Бросал за взмахом взмах в гордыне молодой.

Там есть одна тропа за небольшим оврагом:
Лишь ступишь — и идешь бодрее с каждым шагом —
Свободен и блажен — особенно зимой,
И вся твоя судьба — как этот путь прямой.

Я там и ночью шел, сливаясь с лесом чёрным,
По узкой просеке скрипел снежком упорным,
И видел у вершин далекую звезду..
И долго шел один... И до сих пор иду.

Лось

Я шёл по просеке лесной,
Привычно палки в снег втыкая,
И вырос вдруг передо мной
Сохач, лыжню пересекая.

Исполнен гордости и сил,
Прошёл суровыми шагами
И даже глаза не скосил
Под величавыми рогами.

...Всё как-то быстро пронеслось.
Что ж было в жизни уходящей?
...И всё огромный это лось
Выходит из морозной чаши.

Пахельбель

От этих памятных земель
Он в недалёкий путь пустился...
И снова Нюрнберг.. Пахельбель
Вернулся в город, где родился.

Органа нарастает гул
И тянется среди распятий...
И снова Нюрнберг.. Он вздохнул,
Невольно вспомнив об утрате.

Наружный завершился круг:
Пыль, переезды и заботы...
Ну, а свободны — только звук
И ветер, разбросавший ноты.

* * *

Птица ли крыльями дразнит,
Облако ль ровно плывёт,
Осенью — всё неотвязней
В небе высоком полёт.

В дальнем заброшенном доме
Нет ни друзей, ни обид,
Всё, что любви невесомей,
В сердце отрадой сквозит.

Нежная синь небосвода,
Воздух прохладный его...
Эти простор и свобода
Всё же дороже всего!

У ограды

У неброской, уездной церквушки
В час, когда окликается Русь,
У ограды — обвислые ушки,
Безысходная, каряя грусть.

Я куплю им колбаски в продмаге,
Чтоб слюной увлажнилась рука,
Чтобы жадно глотали, бедняги,
И блаженно ходили бока.

Оттого эти рыжие суки
Так влекут в захолустной глуши,
Что, быть может, последние звуки
Извлекут из умолкшей души.

Поздняя осень

Где эта свежесть с годами,
холод бодрящий, живой?
Бледен туман над полями,
как безнадёжно больной.

Где, окликаясь, созвучья
с веток зелёных неслись,
только корявые сучья
тянутся в тусклую высь.

Не разгоняется мукой
сердца редуемый стук,
перед последней разлукой
блекнут — и краски, и звук.

Только тупая досада:
скоро, рассеян и нем,
сонный обряд снегопада
всё уравнивает со всем.

Кибитка

1

Среди безжизненной равнины
Клонится голова на грудь,
Покуда в ночь уносит длинный
Заснеженный и скучный путь.

Когда скользят во тьме полозья,
И крутит снег окрестный мрак,
И, на сидении елозя —
Кряхтишь и не уснёшь никак.

2

Так долго длится эта пытка!
Так тяжело ноги затекли!
И кажется, что жизнь — кибитка
В снегах нетающих земли.

Куда везут?... Везут куда-то
Под стук терзающих копыт,
К замёрзшим вёрстам нет возврата,
И образ будущих сокрыт.

3

И лишь звенит, не умолкая,
Попутчик твой и верный друг,

И средь снегов — тоска такая! —
В пустыне безответный звук.

Позвякивай же с песней вьюжной,
Товарищ в скуке верстовой,
Глухой, усталый и ненужный,
Как измождённый голос твой.

Май

Смешай немного праздности и лени,
Взгляни на ясный, обновлённый свет,
И душистый куст пронзительной сирени
Дохнет в лицо из отдалённых лет.

Свободой веет с майского балкона,
И в мир зовёт... И хорошо глазам,
Когда прохладно льётся с небосклона
Неистошимый, голубой бальзам.

Отозван скоро будничной повесткой,
Я буду тлеть в могиле... А пока
Играет ветер лёгкой занавеской,
И в полусне проходят облака.

СОДЕРЖАНИЕ

Contents	
Далёкое	7
Викинги	8
Каникулы.	9
«Я с каждым днем гляжу благоговейней...»	10
Ханаан	11
В Иудее	12
Перед рассветом.	13
Трамвай.	14
Рим	15
Лили Марлен	17
Благодать	18
Провода.	19
Простор.	20
Блок	21
Тамань	22
Немота	23
Доницетти	24
В Италии	25
Гимнастёрки	27
Облака	28
Залив	29
У ЗАЛИВА	30
Весна	30
Лето	31

Осень32
Катер33
Тихая бухта34
В тайге35
Лестница37
Фивы38
Обелиск.40
«Уйдут друзья, уйдут подруги...»41
Павел Васильев43
ЦЕЛИНА.44
Степь44
Держава.45
Пыль47
Фет48
На чердаке49
Слепой полёт50
В глуши51
«Что актёру потёртая сцена...»52
Ужин53
Ночью.55
Лунатик.56
«Смешливый, радостный с мороза...»58
Над волной.60
Колокол62
На скамейке64
«В чахлой комнате вянут растения...»65
«Он долго бродит по столице...»66
Санаторий67
Костя68
У стены70
«Он не помнит мелькнувшие годы...»71
Посёлок.72
Дворик74

В степи75
Вальс76
Гермес77
Елена79
«Оттого легки и гулки..»80
«Ну, вот и петух прокричал...»81
В палате82
Осенью83
Под стук копыт84
Искусство фуги87
Осень88
Индия89
«Озирает спросонок...»90
Сергианец93
Мукадаз94
Турция95
«Есть предел у твердыни...»96
«Как ясно в синеющей выси...»97
Геологи98
В провинции99
Надя	100
Остров	101
Утро	102
Гольдберг	103
Ступени	104
Моисей	105
Старая квартира	106
Виноградник	107
«Не перестанет вдаль греметь...»	109
У моря	110
«За высокими лесами...»	111
Позёмка	112
«Есть место на земле, где бог меня приметил...»	113
Лось	114

Пахельбель	115
«Птица ли крыльями дразнит. »	116
У ограды	117
Поздняя осень	118
Кибитка.	119
Май	121

Виктор
Горфман

Виктор Гофман
ВИКИНГИ

Подписано в печать 02.12.2015. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 6,72. Тираж 100 экз. Заказ 7375.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93
Том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательский Дом
«Хорошая книга»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11
e-mail: horoshaya.kniga@mail.ru
www.zebrae.ru
kniga@zebrae.ru

1

2

Крупницы поэзии внезапно искрились, вспыхивали и в строчках самых ранних стихов Гофмана, но в произведениях итогового десятилетия его творчество и особенно в замечательных удачах двух-трех последних лет несравненно возвысилось и раскрылось. Быть может, несколько запоздало, но блестяще. Впрочем, всё приходит вовремя к умеющему ждать...

Многие строки этой посмертной книги свободного поэта, всегда стремившегося к совершенству и все же успевшего познать радость достижения цели, высокого воплощения, звучат провидчески:

*Журчи, последняя свобода,
Блаженство на исходе сил,
Покуда сеть небосвода
Господь до срока подхватил.*

ISBN 978-5-94663-625-4

9 785946 636254